

А. В. Жупинская

СПОСОБЫ ОЧЕРЧИВАНИЯ ГРАНИЦ ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЖАНРЕ ИНТЕРВЬЮ

В современное медиапространство все чаще проникают провокационные, а иногда и скандальные элементы, в частности развивается жанр провокационного интервью, одной из отличительных черт которого является нарушение границ личного пространства интервьюируемого.

Точно определить границы личного пространства собеседника затруднительно, так как они сугубо индивидуальны и весьма подвижны. Тем не менее в интервью нередко встречаются ситуации, когда речевое поведение интервьюера, либо интервьюируемого, дает основания для достаточно определенной их фиксации.

Как показал наш анализ, в интервью возможны два варианта такой фиксации, определяемые в зависимости от представленности в субдискурсе интервьюера или интервьюируемого.

В субдискурсе интервьюера может быть представлен только *эксплицитный способ* определения границ, реализуемый в форме прямого вопроса о том, какие темы готов или не готов обсуждать собеседник в ходе интервью:

(1) – *Are there any questions you **are afraid of** being asked?*

– *No, because I am very good at not answering them. I don't much like being nagged about my private life because it involves others than myself, and I haven't got a right to speak for them. But most people are very conscious of this and don't nag. I don't like placing other writers much and avoid the temptation to do so when asked, though I don't mind admitting my immense admiration for Angus Wilson, Saul Bellow, and Doris Lessing* (Margaret Drabble).

Иницирующий вопрос может носить обобщенный характер, позволяющий сразу и достаточно полно очертить круг тем, входящих, по мнению собеседника, в его личное пространство. Такой вопрос обычно локализуется в начале интервью и демонстрирует тактичность журналиста и его нежелание в принципе в дальнейшем использовать провокационные личные вопросы. Индикаторами того, что интервьюер, используя подобного рода вопрос, пытается не касаться в ходе интервью именно личных и интимных сторон жизни собеседника, являются лексемы *to be afraid of, hurt, impertinent* и др.

Кроме общего иницирующего вопроса о границах личного пространства собеседника журналисты по ходу интервью могут также задавать *вопросы насчет* личного/неприемлемого характера одной *конкретной темы*.

(2) – *Ну вот мы и заговорили о возрасте. **Можно** произносить эту цифру вслух?*

– *Я думаю, не нужно. Она не имеет ко мне никакого отношения. У меня ощущение себя все равно на период студенчества* (И. Шихман – А. Данилко).

В таком случае можно говорить о частичном определении границ личного пространства, так как фиксируется только принадлежность к нему конкретной тематической области (в данном примере возраста).

Кооперативность интервьюера и его стремление соблюдать приличия и не нарушать границы личного пространства собеседника проявляются в предварительной попытке получить разрешение на публичное обсуждение темы, которая расценивается как личная. Разрешение запрашивается либо *прямым вопросом*, содержащим, в частности, такие лексемы, как *можно/могу, разреши, can, may, don't mind* и др., либо косвенно, когда журналист, сообщив интервьюируемому о своем желании обсудить ту или иную тему, получает согласие или отказ:

(3) – **Хочу** про секс с тобой поговорить.

– *Давай!* (Ю. Дудь – А. Ивлеева).

В этом случае в качестве маркеров могут выступить глаголы *хочу/хотел бы, предлагаю, would like to* и др.

Тот факт, что запрос на разрешение/согласие необходим именно в силу возможной принадлежности темы вопроса к личному пространству гостя, демонстрирует использование интервьюером слов типа *неприятно, личный, personal*:

(4) – *Вот я и Вам **предлагаю** разобрать троллинг. Вам **неприятно** это?*

– *Нет, мне не неприятно, просто я знаю результат* (И. Шиман – Ю. Васильев).

Несмотря на то, что прямые вопросы интервьюера позволяют точнее определять границы личного пространства и избегать их нарушения, а также демонстрируют вежливость и кооперативность журналиста, соблюдение им профессиональной этики и норм общественной морали, в структуре современного медийного интервью такие вопросы встречаются достаточно редко. Как правило, границы личного пространства интервьюируемого фиксируются имплицитно.

Имплицитный способ представлен только в субдискурсе интервьюируемого и основывается на его реакции на уже совершенное интервьюером вторжение в личное пространство. Таким образом, в отличие от эксплицитного способа, который носит перспективный характер и призван предотвратить факт вторжения, имплицитный способ является ретроспективной фиксацией уже свершившегося факта нарушения границ личного пространства.

Индикатором вторжения в личное пространство в субдискурсе интервьюируемого выступает использование им одной из *защитных тактик*, включающих как относительно мягкие и кооперативные варианты (неопределенный ответ, смена темы, метаязыковой комментарий), так и достаточно жесткие реакции (эксплицитный отказ от ответа, критика вопроса/спрашивающего).

(5) – *Do they (children) want to be in movies?*

– *I suppose everybody wants to be in movies* (P. Donahue – J. Wayne);

(6) – *Рекордная сумма тебе прилетала от одного зрителя?*

– *И я такой скажу... А вот нет* (Ю. Дудь – Е. Баженов).

При этом такие тактики защиты, как *критика вопроса/спрашивающего и мотивированный отказ от ответа*, могут содержать прямую оценку заданного интервьюером вопроса как некорректного, неприемлемого или же слишком личного:

(7) – *Речь идет о Марио Джабраилове?*

– *Слушай, я считаю не очень правильным обсуждать мою личную жизнь* (Ю. Дудь – К. Собчак);

(8) – *Your mother is of Scottish by birth and you tell us here...*

– *I must say there's some personal information in here, not a lot, but I like to leave it out as much as possible* (P. Donahue – D. Trump).

В этом случае интервьюируемый эксплицитно фиксирует границы своего личного пространства.

Таким образом, в субдискурсе интервьюируемого может быть представлен как имплицитный, так и эксплицитный способ очерчивания границ личного пространства, в то время как в субдискурсе интервьюера реализуется только эксплицитный способ.